

Марк Яковлевич Домнич

НАРОДНЫЕ МАССЫ ФРАНЦИИ В БОРЬБЕ С КЛЕРИКАЛЬНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ XVIII В.

Из истории общественных движений и международных отношений

Сб. статей в память академика Е.В.Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

История взаимоотношений католической церкви и государства в годы французской буржуазной революции — излюбленная тема буржуазной, особенно клерикальной историографии. Первым к этой теме обратился еще в 1793 г. аббат Барруэль, духовник принцессы де Конти¹. Он с самым серьезным видом уверял своих читателей, что авторами антихристианского заговора, под которым подразумевалась революция, были Вольтер, Д'Аламбер и... Фридрих II, король Пруссии. Первый — из ревности к богу, второй — потому что его холодное сердце не способно было любить. Фридрих — потому что познал религию с помощью ее врагов². С тех пор и по настоящее время клерикалы твердят, что «главным делом революции было изгнать и убить священников, закрыть и осквернить церкви, с жестокостью насилловать душу Франции, чтобы вырвать из нее католическую веру»³. Все церковные реформы приписываются коварным планам «безбожников», «реформаторов», стремившихся «декатолизировать Францию» по призыву Мирабо⁴ и «усесться за стол коммунистического (!) банкета, чтобы поделить между собой имущество дворянства и духовенства»⁵. Аббат Сикар резюмирует религиозную политику революции словом «разрушение»⁶, а исповедник Детре сводит историю всей французской революции к религиозной истории⁷. В таком духе составлены и пятитомная история патриарха клерикальной историографии Де Ла Горса⁸ и популярная иллюстрированная книжка для школьников о Вандее Кубара⁹. Антинаучная и фальсификаторская клерикальная историография нарочито искажает историю революции и место церкви в ней.

Антиклерикальная буржуазная историография сняла с церковников ореол «мучеников за христову веру». В трудах Олара, Матъеза, Карона, Шассена и других католическая церковь предстала как сила, противодей-

¹ «Histoire du clergé pendant la révolution française par M. l'abbé Barruel, aumônier de madame la princesse de Conti». Londres, 1793.

² «Abregé des mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme par M. l'abbé Barruel». Hambourg, 1800, p. 1—2.

³ L'abbé B a u r o n. Recherches Historiques sur la persécution religieuse dans le département de Saôn-et-Loire pendant la révolution. Paris, 1889, p. 1.

⁴ «Histoire du clergé...», p. 3.

⁵ L'abbé F. B a r r y. Etienne Delcher, évêque constitutionnel de la Haute-Loire. Paris, 1925, p. 37.

⁶ L'abbé A. S i c a r d. Le clergé de France pendant la révolution, t. I. Paris, 1912, p. 3.

⁷ L. D e t r e z. La Flandre religieuse sous la révolution, t. I. Lille, 1928, p. IX.

⁸ P. de la G o r c e. Histoire religieuse de la révolution. Paris, 1911.

⁹ D-r Ch. C o u b a r d. Précis d'histoire de la guerre de Vendée. 1946.

ствующая революции. Этого не отрицает и современная реакционная историография. По словам Дансетта, католицизм «не был на стороне Франции левой, Франции реформ, Франции движения, Франции свободы потому, что он себя связал с Францией правой, Францией порядка, Францией сопротивления, Францией авторитета»¹⁰. Впрочем, такое признание понадобилось Дансетту, обеспокоенному ростом рабочего движения, лишь для того, чтобы потребовать от церкви «занять свое место в... социальной борьбе»¹¹.

Буржуазные историки не сумели, да и не пытались вскрыть классовую сущность конфликта между церковью и революцией, но они собрали большой фактический материал, характеризующий враждебную активность духовенства и перипетии борьбы с ним.

Какова же роль народных масс в этой борьбе? Каково их влияние на ход и исход столкновения между церковью и революцией? Идеалистическая концепция, игнорирующая роль масс в истории, сказалась и здесь. Конечно, многие факты народной инициативы не прошли незамеченными для буржуазных радикалов. Однако в их изображении факты остались порой весьма серьезными, как, например, сентябрьские дни, но все же разрозненными действиями революционно настроенной толпы.

Историки клерикального направления утверждают, что все акты преследования духовенства осуществляли «вожаки клубов»¹² «наемные убийцы»¹³, но отнюдь не народ. Верующие, паства остались верны церкви и даже выступали как активная сила контрреволюции, подтверждением чему служат те мятежи, которые церкви удалось разжечь, и прежде всего Вандей. «Всенародный» характер вандейского мятежа всего более подчеркивается современной клерикальной историографией. Стремясь усилить свое влияние на массы, князья католической церкви вызывают тени прошлого, ведут пропаганду на историческом материале. Недаром в 1943 г. петэновская Франция помпезно отпраздновала 150-летие Вандеи, а за тем вышла серия книг, в которых французам внушалось, что им нужно гордиться предками, которые «поднялись против революции, защищая веру»¹⁴, что «сопротивление Вандеи сатанинским деяниям революции спасло честь Франции»¹⁵, что «права религии выше прав родины»¹⁶.

Но лживость утверждения, будто массы всецело были на стороне католической церкви, очевидна. Французская революция победила в ожесточенной схватке с дворянской и клерикальной контрреволюцией именно благодаря решающей роли крестьянства и плебейских элементов городов. Закономерности классовой борьбы привели трудящихся, в абсолютной массе верующих, к необходимости расправы с церковниками, активными врагами революции, и к наступлению, в год якобинской диктатуры, на самую католическую церковь.

Проблема роли масс в борьбе с клерикальной контрреволюцией заслуживает внимания советской историографии.

¹⁰ A. Dansette. Histoire religieuse de la France contemporaine. Paris, p. 485.

¹¹ Ibid., p. 492.

¹² J. Charrier. Histoire religieuse du département de la Nièvre pendant la révolution, t. I. Paris, 1926, p. 165; P. de la Gorce. Op. cit., t. II, p. 48.

¹³ O. Beuve. Souvenirs d'un prêtre réfractaires du diocèse du Troyes. Arcis-sur-Aube, 1909.

¹⁴ D-r Ch. Coubard. Op. cit., p. 8.

¹⁵ Ibid., p. 137.

¹⁶ L'abbé A. Billaud. La guerre de Vendée. Paris, 1947, p. XVII.

Церковный вопрос не являлся самодовлеющим, а тем паче главным вопросом революции, и враждебность духовенства была лишь частью того сопротивления, которое феодалы оказывали революции. Французская буржуазия не могла избежать столкновения с католической церковью, одним из существенных элементов феодальной надстройки. Церковь была не только крупнейшим феодалом¹⁷, она была и идейной опорой феодализма, его «наивысшим обобщением и санкцией»¹⁸. Однако пришедшая к власти после народного восстания 14 июля крупная буржуазия и не собиралась «раздавить гадину». Напротив, нуждаясь в орудии духовного воздействия на угнетенные классы, либералы искали себе союзника в религии, стремились включить церковь в систему новых государственных учреждений, предварительно осуществив некоторую ее реорганизацию и, разумеется, завладев ее имуществом. Такую цель и преследовали реформы 1789—1790 гг. — секуляризация имущества церкви и превращение ее служителей в чиновников на жаловании; введение единообразия церковной структуры и выборности духовенства, ликвидация религиозных орденов и конгрегаций. В Гражданском устройстве духовенства не было ни одного положения, хотя бы косвенно затрагивающего религиозные принципы и обрядность католицизма. Даже лишив папу права назначать епископов и собирать аннаты, революция сохранила за ним, в соответствии с догматами католицизма, всю полноту духовной юрисдикции над французской церковью. Скептики и вольнодумцы, буржуазные законодатели рассчитывали заключить союз с церковью в интересах упрочения буржуазного строя.

Впоследствии церковь заключила союз с Наполеоном, душителем революции. Но теперь, в разгар революции, когда победа третьего сословия, казалось, еще не определилась, а на континенте Франция была окружена феодальными монархиями, обещавшими военную помощь в восстановлении трона и алтаря, духовенство отвергло протянутую ей буржуазией руку, в значительной своей части отказалось присягнуть на верность конституции¹⁹ и ринулось в борьбу, ожесточенную, полную фанатизма и коварства. Клерикалы первыми объявили войну революции, они же первыми и материально пострадали — в ноябре 1789 г. было секвестровано церковное имущество. А церковь, писал К. Маркс, «скорее простит нападки на 38 из 39 ее символов веры, чем нападки на $\frac{1}{39}$ ее денежного дохода»²⁰. Духовенство не просто цеплялось за свои богатства, оно яростно боролось за сохранение строя, обеспечивавшего ему положение первого привилегированного сословия Франции. Оно сопротивлялось и церковным, и политическим, и социальным реформам²¹.

В Национальном собрании клерикалы, во главе с аббатом Мори, составляли основное ядро монархической оппозиции. В стране неприсягнувшие священники вели антигосударственную пропаганду, под флагом религии провоцировали гражданскую войну. Церковь занимала первостепенное место в реставраторских планах двора²². Если нобилитет

¹⁷ Напр., в Эльзасе духовенству принадлежало $\frac{2}{3}$ земли. См. F. C. Heitz. *La contre-revolution en Alsace de 1789 à 1798*. Strasbourg, 1865, p. 8.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

¹⁹ Присягу дали лишь 7 епископов и примерно половина кюре. См. G. Lefebvre. *La Révolution française*. Paris, 1951, p. 182.

²⁰ К. Маркс. *Капитал*, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 8.

²¹ Robinet. *Le mouvement religieux à Paris pendant la Révolution*, t. I. Paris, 1896, p. 154.

²² См. переписку графа Водрея с графом Д'Артуа. H. Chassagne. *Coblence, 1789—1792*. Paris, 1939, p. 209.

в значительной части эмигрировал и готовил вооруженную интервенцию извне, то духовенство должно было собирать внутреннюю армию контрреволюции. Для выполнения этой роли церковь обладала аппаратом служителей, имевших влияние на паству. Это делало ее серьезным и опасным врагом революции. Фактически духовенство координировало действия всех врагов революции. В эти дни контрреволюционная «Gazette de Paris» писала: «Религия поднимает свое знамя точно так же, как поднимали королевский штандарт во время сражения, когда королю угрожала опасность. Рыцари и христиане, объединитесь вокруг алтаря, как некогда вы объединялись вокруг монарха»²³. В 1790 и 1791 гг. церкви удалось вызвать волнения на религиозной почве²⁴. Однако всеобщее восстание епископат поднять не сумел. Этому помешали народные массы Франции.

Дело в том, что конституционно-монархическая буржуазия, напуганная народными движениями, уже в 1791 г. стремилась законсервировать революцию. Ей было выгодно, чтобы буржуазно-демократические преобразования произошли медленно, постепенно, чтобы они, по определению Ленина, «как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья»²⁵. В борьбе с растущими аграрными и плебейскими движениями буржуазия искала себе союзника именно в тех учреждениях старины, против которых она ранее выступала. Но если буржуазия хотела приостановить революцию, то трудящиеся были заинтересованы в ее углублении, в коренной ломке феодальных отношений и революционной расправе с гибнущими классами.

Тактика крупной буржуазии нашла свое отражение и в церковной политике 1791 г. Либералы не только вступили в соглашение с королем-изменником и сохранили феодальную ренту, но и выказали примиренчество в отношении неприсягнувших клерикалов, открыто восставших против Учредительного собрания. Все предложения о репрессировании контрреволюционного духовенства решительно отвергались. Эбер в «Père Duchêne» с возмущением писал: «Граждане, ваши представители трусливо покидают свои посты. Они дрожат перед священниками»²⁶. И тогда дело борьбы с мятежниками взял на себя народ.

Патриоты самочинно закрывали церкви, превращенные в трибуну антиправительственной пропаганды; избивали и предавали властям попов, зачинщиков смут; публично уничтожали подстрекательские послания епископов и палские бреве; несли правду о революции в деревню; рассеивали сборища мятежных фанатиков. Акты народного действия учащались, становились более энергичными. С точки зрения властей, избранных «активными», т. е. имущими, они были «противозаконны». Активность народных низов становилась опасной, и фельяны старались их обуздать. Так, например, в Париже, после того, как патриоты разгромили женские монастыри, очаги антигосударственной конспирации, парижская директория яростно обрушилась на участников антиклерикальных выступлений и, употребляя злобные выражения авторов документа, поручила муниципалитету «принять все меры для подавления преступных проявлений гнусной нетерпимости»²⁷. 7 мая 1791 г. Национальное собрание, вопреки ранее принятым декретам, разрешило

²³ «Gazette de Paris», 9.XII 1790.

²⁴ В Ниме, Монтобане, в деп. Ардеш, в Юзесе.

²⁵ В. Ленин. Соч., т. 9, стр. 34.

²⁶ «Grand colère du Père Duchêne contre la faiblesse de l'assemblée nationale à l'occasion des prêtres».

²⁷ «Proclamation du département de Paris». Paris, 1791.

неприсягнувшим совершать мессы в государственных церквях, фактически установив свободу культов²⁸.

Революционные массы игнорировали решения властей. Когда неприсягнувшие начали службу в помещении молельни театинцев, явилась большая группа жителей предместий и повесила на двери пучок розг, увенчанный надписью: «Совет аристократическим святошам». Прибывший сюда мэр Парижа Балль велел снять плакат. Но как только он удался, плакат был снова повешен с припиской: «Снят по распоряжению господина Балль, водворен на место по распоряжению граждан»²⁹. Богослужение было сорвано. Конституционалисты-монархисты были встревожены, буржуазно-монархическая пресса подняла неистовую кампанию против народного самоуправления. Антиякобинская «L'Ami des patriotes» требовала, «чтобы народ терпел и тех, кого он не любит... чтобы он прекратил преследование неприсягнувших католиков»³⁰. Газета призывала к «сильным и крутым мерам» для искоренения «анархии и хаоса»³¹. А «La feuille villageois», тот самый листок, который внушал крестьянам необходимость по-прежнему вносить ренту, убеждал их не репрессировать неприсягнувших, а молиться, «чтобы к нашим понтификам вернулся здравый смысл»³². Граждан, напавших на молельню театинцев, она именовала «бандитами»³³.

Вмешательству масс, а также бдительности демократической печати Франция обязана тем, что были предотвращены многие восстания и кровопролития. Народ заставил местную администрацию некоторых департаментов летом 1791 г. обрушить на мятежников первые репрессии — переселение в главный город департамента³⁴. Но законодатели отказались утвердить постановления и амнистировали арестованных священников. «Слабость, проявленная Учредительным собранием в последние месяцы его бурной миссии, — отмечал историк церкви Дебидур, — ободрила клерикалов и ультрамонтанов»³⁵. Не проявляли фельяны слабости лишь когда шла речь о расстреле безоружных демонстрантов на Марсовом поле или усмирении аграрных движений. Контрреволюционное перерождение либералов быстро освобождало народ от иллюзий. Отныне заметнее становится его самостоятельность, отпечаток народных требований лежит на каждом шаге революции, которая приобретает демократический характер.

* * *

Фельяны, занимавшие правые скамьи в Законодательном собрании, жаждали стабильности и проявляли политическую робость в борьбе с силами абсолютизма. Умеренным было законодательство об эмигрантах. Донося об этом, русский посол в Париже Симолин подчеркнул: «Так же будет и с вопросом о присяге священников. У теперешних законодателей

²⁸ «Moniteur», № 129, 9.V 1791.

²⁹ P. de la Gorce. Op. cit., t. I, p. 429.

³⁰ «L'Ami des patriotes», № XXVIII, 4.VI 1791.

³¹ «L'Ami des patriotes», № XXV, 14.V 1791.

³² «La feuille villageois», № 32, 5.V 1791.

³³ «La feuille villageois», № 37, 9.VI 1791.

³⁴ R. Reuss. La constitution civile du clergé et la religieuse en Alsace, t. I, Strasbourg, 1922, p. 287—293.

³⁵ A. Debédour. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France de 1789 à 1890. Paris, 1898, p. 91.

замечается резкий поворот в сторону терпимости»³⁶. Однако в стране развертывалась острая классовая борьба вокруг нерешенных задач революции. Ухудшилось экономическое положение Франции, на почве голода и дороговизны вспыхнули волнения рабочих и городской бедноты. Королевский двор стал центром контрреволюционных заговоров, ускорены были, после Пильницкого стовора монархов, приготовления к интервенции. Революция угрожала гибелью.

Духовенство внесло свою лепту в усилия, направленные на крушение революции. Неистовствовали священники, выпущенные на свободу³⁷. В Вандее крестьяне, подогреваемые юре, преследовали присягнувших священников, не подчинялись законам³⁸. В департаменте Мэн-и-Луары вооруженные фанатики вступали в схватки с национальной гвардией³⁹. В Авиньоне партия католиков убила секретаря коммуны Лекюйе⁴⁰. О волнениях, вызванных церковниками, сообщали из Монпелье, Кана, Тионвиля, Кольмара, Ренна, Майенны⁴¹. Даже умеренный депутат Вейриэ говорил: «Коварные инсинуации, зловещие действия, мятежные речи, возмутительные сочинения, клевета на закон, избавивший нас от порабощения; домашние раздоры, оскорбления, которым подвергаются установленные власти... союз этих священников с бывшими дворянами... толпы сбитых с толку женщин; изгнание, преследование, убийства приходских священников... вот, господа, краткий набросок тех зол, которые удручают часть французского государства»⁴². Прав был Инар, заявивший: «Один священник может причинить... больше зла, чем все враги, вместе взятые»⁴³. Духовенство активно конспирировало против государства, участвуя в подготовке интервенции. К концу 1791 г. неприсягнувшие епископы покинули Францию. В эмиграции прелаты развернули враждебную революции деятельность, руководили епархиями, наставляя оставшихся им верными юре⁴⁴. Арраский епископ де Конзье состоял в свите графа д'Артуа в Кобленце⁴⁵. Памьерский епископ Агу и аббат Фонбран были эмиссарами Людовика XVI в европейских столицах⁴⁶, а кардинал Роган создал отряд наемников для войны с революционной Францией⁴⁷. На неприсягнувших во Франции смотрели как на агентов внешнего врага. 6 ноября один депутат говорил: «Существует связь между мятежами священников и сборищами в Кобленце. Эта система рождена там, она санкционирована римской курией»⁴⁸.

И Законодательное собрание, ранее склонявшееся к «мягким» мерам, принуждено было стать на путь репрессий. Либеральные историки видят в этом повороте лишь влияние известий о волнениях, вызванных духовенством⁴⁹. Они игнорируют другую, более важную сторону — давление революционной общественности, роль народного антиклерикального движения.

³⁶ «Литературное наследство», № 29—30. М., 1937, стр. 496.

³⁷ «Révolutions de Paris», № 120. 22—29. X 1791.

³⁸ Archives parlementaires, t. 34, p. 141—147.

³⁹ Ibid., p. 662—663.

⁴⁰ Ibid., p. 340.

⁴¹ Ibid., p. 330, t. 35, p. 7, 10, 26, 66.

⁴² Archives parlementaires, t. 35, p. 42.

⁴³ «L'Ami du roi», № CCCXX, 15.XI 1791.

⁴⁴ «Revue des questions historiques», 156 livraison. 1-er octobre 1905. Paris, p. 537.

⁴⁵ Э. Додэ. История эмиграции во время революции, т. I, стр. 69.

⁴⁶ H. Chassagne. Op. cit., p. 64, 91.

⁴⁷ F. A. Aulard. La société des jacobins. Recueil des documents, t. II, p. 293, 296.

⁴⁸ Archives parlementaires, t. 34, p. 663.

⁴⁹ A. Debidour. Op. cit., p. 100—101.

К осени 1791 г. стал очевиден крах декрета 7 мая, — он был сорван патриотами, справедливо видевшими в нем угрозу для революции. Вопреки постановлениям парижских властей, толпы народа в сентябре и октябре собирались у часовен, в частности при братстве ирландских монахов, и не позволили непосвященным отпирать свой культ. Это были настоящие народные волнения, сопровождаемые разгромом молелен и избиением контрреволюционных попов⁵⁰. Так обстояло в большинстве департаментов. В Бордо «многочисленные сборища» угрожали священникам и аристократам, собравшимся на службу, и заставили их разойтись. Клерикалы обращались за помощью к департаментским властям, но «Директория была бессильна заставить исполнить законы»⁵¹. Газета «*Mercure Universelle*» сетовала на «эксцессы нетерпимости», имевшие место в октябре в Па-де-Кале, где «злонамеренные» ворвались в церкви доминиканцев и благовещения и сорвали богослужение⁵². То же было в Нанте⁵³. Непосвященные кантона Кузеран, департамента Азьер, жаловались королю на патриотов — «группы неистовствующих людей», сорвавших службу, разрешенную декретом 7 мая. Патриоты тенденциозно изображаются «шайкой негодяев», которые резали и ломали церковный инвентарь, в то время как истинные христиане проявляли «кротость и терпение»⁵⁴. Аналогичные события происходили в Ардеше. Когда муниципалитет Вилленева-де-Берг пытался вмешаться в пользу непосвященных, вспыхнуло волнение⁵⁵.

Если центральная и департаментская администрации чаще всего попустительствовали неконформистам, то настоящий отпор им оказывали патриоты. Нескрываемым страхом перед народными действиями проникнута на шумевшая статья поэта Андре Шенье в «Монитере». В ней прямо говорилось, что «насилием и дурным обращением» с неконформистами занимается «наименее просвещенная часть населения», просто-народе. Шенье ополчился против «самозванных патриотов», которые выжидают «народнения народных страстей с тем, чтобы в момент их взрыва оправдывать и поддерживать их жестокими софизмами и иступленными конвульсиями»⁵⁶. Он требовал перестать заниматься священниками, оставить их, наконец, в покое.

Однако патриоты продолжали энергично заниматься ими. Не только народные массы, но и значительная часть буржуазии была резко враждебна мятежной церкви, ставшей идейным знаменем контрреволюции. Конечно, в отдельных районах Франции духовенству удалось сохранить влияние на наиболее темных и отсталых слоев крестьянства, запугивая их опасностью, угрожающей религии. Священники пытались демагогически использовать недовольство крестьян неразрешенностью аграрного вопроса. Они действовали тайно и злоупотребляли доверчивостью простодушных людей. И, как говорилось в одной петиции из Ламанша, «эти слабые или невежественные люди, чувства и сердца которых удалось так легко подчинить, взялись за оружие для защиты мнимых поборников религии»⁵⁷. Тем не менее большинство деревенского населения было на стороне рево-

⁵⁰ Robinet. Op. cit., T. II, p. 71.

⁵¹ A. Vivie. Histoire de la terreur à Bordeaux. t. I. Bordeaux, 1877, p. 104—105.

⁵² «*Mercure Universelle*», 2.XI 1791.

⁵³ A. Lallié. Le diocèse de Nantes pendant la révolution, t. I. Nantes, 1893, p. 147.

⁵⁴ А. Олар. Церковь и государство в эпоху великой французской революции. 1925, стр. 38—44.

⁵⁵ L'Abbé Ch. Jolivet. La Révolution dans l'Ardèche (1788—1795). Largentière, 1930, p. 309.

⁵⁶ «*Moniteur*», № 295, 22.X 1791.

⁵⁷ Archives parlementaires, t. 38, p. 179.

люции. Хотя основная масса крестьян не приобрела церковных земель, доставшихся буржуазии и богатому крестьянству, революция уже на этом этапе ее развития дала освобождение от некоторых феодальных тягот. Свои надежды на полное избавление от феодального гнета, утоления своей жажды земли крестьянство ожидало от углубления революции. Поэтому нереальны были надежды мятежной церкви возглавить «народ» с целью восстановления старого режима. Один русский наблюдатель писал из Парижа: «Многие нововведения слишком тесно связаны с существованием, быть может, трех четвертей нации, чтобы была возможность покунуться на них. Восстановление духовенства в его владениях, восстановление феодальных прав и многих других без сомнения невозможны»⁵⁸.

Что касается рабочих, то известно, что аристократическая партия пыталась самой низкой демагогией и прямым подкупом привлечь их на свою сторону. Газета Сен-Антуанского предместья писала: «Все углы наших улиц покрыты различными плакатами, которые только и стремятся ввести нас в заблуждение и заставить нас делать глупости»⁵⁹. Но, как справедливо замечал Е. В. Тарле, «создание Вандеи в Сен-Антуанском и Сен-Жерменском предместье было бы социологическим нонсенсом, невозможностью»⁶⁰. Плебейские массы городов были самыми преданными, самыми беззаветными защитниками революции. Они же были и решающей силой антиклерикальных выступлений.

Историки-клерикалы имеют все «основания» жаловаться на самоchinные действия провинциальной администрации. В Мэн-и-Луара приказали неприсягнувшим явиться в Анжер, в Кот-дю-Нор — покинуть место службы, в Иль-э-Вилен — ретироваться не менее чем на три лье от своего прихода⁶¹. Якобинский клуб в Тюлле требовал от Национального собрания издать декрет об удалении неконформистов на 10 лье, а Морбиган самовольно осуществил эту меру. Финистер сажал неприсягнувших в тюрьмы Бреста, а Кальвадос запрещал им служить мессу. Подобные меры принимались в департаментах Нор, Па-де-Кале, Од, Ло и др.⁶² Неприсягнувшие были перовой категорией подозрительных, по отношению к которым, в целях самозащиты, революция принуждена была применить строгие репрессивные меры⁶³.

В адрес Законодательного собрания поступали категорические требования с мест. «Мы видим только одно верное средство, — писали из Ардеша, — выселить неприсягнувших из приходов, где они нарушают общественный порядок»⁶⁴. 25 октября депутация гражданок секции Люксембург в Париже требовала от законодателей «обуздать маневры неприсягнувших»⁶⁵. В октябре — ноябре Якобинский клуб призывал приравнять неприсягнувших к эмигрантам⁶⁶. Марат в ряде статей возмущался безнаказанностью злодеев, вызвавших беспорядки, и бездеятельностью судов⁶⁷. «Вот уже 9 месяцев, — писал он, — как со всех сторон граждане направляют свои жалобы законодателям, а они притворяются спящими». Марат решительно настаивал на созыве Верховного национального суда для

⁵⁸ «Анналы», кн. IV. Л.—М., 1924, стр. 120.

⁵⁹ Е. В. Тарле. Рабочий класс в эпоху революции, ч. I, 1909, стр. 230.

⁶⁰ Там же, стр. 213.

⁶¹ J. Herissay. Les prêtres pendant la terreur. Paris, 1925, p. 3.

⁶² Ibid., p. 4.

⁶³ L. Jacob. Les suspects pendant la révolution 1789—1794. Paris, 1952, p. 18—19.

⁶⁴ Ch. Jolivet. Op. cit., p. 290—291.

⁶⁵ Archives parlementaires, t. 34, p. 393.

⁶⁶ См. F. A. Aulard. La société des jacobins.

⁶⁷ «L'Ami du peuple», № 581, 22.X 1791.

строгого наказания главарей контрреволюции⁶⁸. В некоторых районах Франции патриоты самочинно расправлялись с клерикалами и их агентами. Так было в Авиньоне, где 16—17 октября была уничтожена большая группа участников клерикального мятежа⁶⁹. По словам депутата Ламарка, департаменты и все добрые граждане столицы единодушно обвиняли Законодательное собрание в преступной медлительности⁷⁰. Акты революционного почина угрожали и крупной буржуазии, поскольку массы становились законодателями и исполнителями революционного правосудия. Не только партия фельян, но и Жиронда боялись такого развития событий, которое делает народ решающей силой революции. Следовало поэтому дать юридическое обоснование, легализовать те меры, которые были распространены в департаментах, и лишить патриотов права инициативы. Очевидно, на позицию жирондистов влияло и то, что они упорно рвались к власти, что еще не наступило политическое размежевание между ними и монтаньярами.

Речь Инара 14 ноября, несомненно, отражала настроения революционных масс. «Всякие средства, клонящиеся к примирению, — говорил он, — отныне бесполезны... Наша снисходительность усилила дерзость наших врагов... следует изменить систему и начать, наконец, применять строгие меры... Во все времена и у всех народов фанатические священники являлись бичом общества и убийцами человеческого рода...»⁷¹ Под аплодисменты трибун Инар потребовал изгнания неприсягнувших священников из королевства.

Голосами монтаньяров, авторов предложения о репрессиях, «беспартийного» центра и жирондистов 29 ноября был одобрен первый — правда, компромиссный — декрет, направленный на подавление контрреволюционной деятельности неприсягнувших. Нонконформисты лишались всех пенсий и жалований, объявлялись «подозреваемыми в возмущениях против закона и дурных намерениях против отечества» и отдавались под надзор властей. В тех же местах, где на религиозной почве происходили беспорядки, священники подлежали высылке из прихода, а в случае важности дела, преданию суду⁷².

Декрет 29 ноября явился первой победой демократии, мерой общественного спасения и революционной самозащиты. Но фельяны, союзники двора, решили сорвать применение декрета. 5 декабря группа членов парижской директории направила королю адрес с просьбой использовать право вето, помешать осуществлению политики насилия, якобы нарушающей принципы свободы, провозглашенные в «Декларации прав»⁷³.

Гневом и возмущением были охвачены патриоты. Делегации от парижских секций Ла Фонтен, Оратуар, Люксембург, Арсенал, Французского театра и др. осаждали Законодательное собрание. Оратор секции Кенз-Вен говорил: «Господа, граждане Сен-Антуанского предместья заявляют вам, что для поддержания конституции и ваших декретов... у них имеются руки, пушки, пики и то мужество, которое помогло разрушить Бастилию»⁷⁴. Делегации требовали «обрушить удар на ходатаев вето»⁷⁵. Газета «Révolutions de Paris» призывала народ «засвидетельствовать свое

⁶⁸ «L'Ami du peuple», № 583, 28.X 1791.

⁶⁹ Archives parlementaires, t. 34, p. 634.

⁷⁰ Ibid., t. 35, p. 426.

⁷¹ Ibid., t. 35, p. 66—67.

⁷² Ibid., p. 435—437.

⁷³ Ibid., p. 670.

⁷⁴ Ibid., t. 36, p. 18.

⁷⁵ Ibid., p. 21.

презрение, которое им внушает поведение членов парижской директории»⁷⁶. Когда же король, по совету либералов, объявил о своей намерении «пока» воздержаться от санкции декрета, волна протестов прокатилась по всей стране⁷⁷. Они поступали от якобинских клубов Кальвадоса, Эро, Перигора, Шампани, Анжу, Бретани. А брестский клуб угрожающе писал королю: «Эта ошибка может стоить вам дорого... вы еще царствуете, но если вы уступите некоторым влияниям, ваше царствование скоро кончится»⁷⁸.

Королевское вето вызвало подъем нежелательного народного движения. И 4 февраля 1792 г. депутат Горгеро ополчился против клубов и «скандальных» народных петиций. «С каких пор, — воскликнул оратор, — право санкции может быть передано народу? Народ должен повиноваться конституционным властям и, хотя он считается владыкой, он не более чем раб закона. Революция окончена, будем едины!»⁷⁹. Маневр правой части Собрания не удался, большинство депутатов не осмелилось объявить открытую войну народу. Де ла Горс сокрушался по поводу этого провала: «Предупредить узурпации клубов и крамольные петиции значило, быть может, обеспечить спасение»⁸⁰. Но для этого нужно было задуть революцию, истребить активных деятелей демократии. Это могла сделать только война.

* * *

Тем временем война приближалась. Упование на интервенцию не означало отказа от внутренней контрреволюции. Планы двора предусматривали координацию действий как объединенной австро-прусской и эмигрантской армий, так и «малых армий» внутри страны, в первую очередь тех, которые готовились духовенством. Для настроения тех лет характерен рассказ, появившийся в «*Mercure Universelle*», о собрании принцев и прелатов 13 января 1792 г., на котором якобы «премьер» эмигрантского правительства Калонн призывал в связи с близостью войны удвоить усилия, чтобы возбудить волнения в нашем «неблагодарном отечестве». «Священники, которые остались верны нашему делу, — сказал он, — оказывают и еще окажут нам немало бесценных услуг»⁸¹.

Демократические круги Франции не обманывали себя насчет возможной позиции духовенства. Недаром один депутат еще в ноябре 1791 г. предложил в случае иностранного нашествия временно арестовать всех неприсягнувших⁸², а правление дистрикта Понтарлье предупреждало департаментские власти, что «в случае скорого наступления войны отправление нонконформистского культа весьма опасно... диссиденты станут собираться под предлогом церковной службы для обсуждения контрреволюционных действий»⁸³.

Именно сочетание двух войн, казалось, гарантировало успех аристократии. Светские и духовные эмигранты были уверены в скором возвращении «домой». Подобные иллюзии питались информацией, которую они получали из Франции. Так, например, по сообщению «Московских ведомостей», аббат Мори, прибывший в Кобленц в октябре 1791 г., уверял

⁷⁶ «*Révolutions de Paris*», № 126, 3—10.XII 1791.

⁷⁷ *Ibid.*, № 132, 14—21.XII 1791.

⁷⁸ P. de la Gorgce. *Op. cit.*, t. II, p. 58.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 74—75.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 76.

⁸¹ «*Mercure Universelle*», 4.II 1792.

⁸² P. de la Gorgce. *Op. cit.*, t. II, p. 35.

⁸³ А. О л а р. Церковь и государство..., стр. 54.

принцев, что «новая французская конституция едва ли до февраля месяца будущего года удержаться может»⁸⁴. Что служило основанием для таких прогнозов? Далеко не в последнюю очередь бунтарская активность политически враждебного революционного католического духовенства.

В 1792 г. главным в деятельности клерикалов становится подготовка, а с начала войны и обеспечение такого «тыла», в котором отдельные очаги недовольства сольются в одно широкое «всенародное» восстание под знаменем церкви. Неприсягнувшие, находившиеся в Анжере, уже в феврале 1792 г. поспешили уведомить короля, что гражданская война в западных провинциях ими подготовлена и «вспыхнет тогда, когда он того пожелает»⁸⁵.

По мере приближения войны, а особенно в начале ее, враждебность духовенства приобретала все более антипатриотический характер, неприсягнувшие стали на путь прямого предательства. К прежним подрывным методам прибавлялись новые, рассчитанные на ослабление оборонных усилий государства.

Между тем, несмотря на отказ монарха в санкции, 42 департамента осуществляли меры, предусмотренные декретом 29 ноября 1791 г., — удаляли неприсягнувших священников из коммун, лишали их пенсий, готовились выслать из Франции⁸⁶. То были районы, наиболее подвергшиеся воздействию контрреволюционной агитации, — Верхний Рейн, Финистер, Нижняя Луара, Мэн-и-Луара, Дуб и др. Но в остальных департаментах фельянский настроенная администрация потворствовала неприсягнувшим, позволяла им собирать и фанатизировать прихожан.

Зима и весна 1792 г. изобиловали многочисленными фактами подрывной деятельности церковников. Усилились преследования конституционных священников, которых папа объявил «еретиками». В пасхальные дни клерикалы проповедовали среди прихожан, что смерть этих «раскольников и отлученных от церкви» была бы «искупительной жертвой, угодной божественной мести»⁸⁷. И в Ториньи-сюр-Вир присягнувший кюре был отравлен⁸⁸, в Обербронне (Эльзас) в присягнувших кюре стреляли⁸⁹, а в дистрикте Ориллак⁹⁰ и в Верхнем Рейне — убивали⁹¹. В ряде мест конституционные кюре подавали в отставку. Срывая таким образом богослужение, мятежное духовенство имело в виду вызвать недовольство верующих.

Всюду, где церковникам удавалось спровоцировать конфликты и брожения, это достигалось также с помощью сфабрикованных «чудес», вроде того, например, что в Страсбурге в молельне капуцинов распятие неожиданно «восплакало» кровавыми слезами. Когда же по распоряжению властей распятие было перенесено в приходскую церковь, слезоточение тотчас же прекратилось⁹². Малограмотным и суеверным крестьянам в медвежьих углах Франции внушали, что революция — дело рук нечестивцев, им подсовывались готовые резолюции, в которых, как в департаменте Майенны, говорилось: «Нас хотят лишить нашей веры и отделить от като-

⁸⁴ «Московские ведомости», № 94, 22.XI 1791.

⁸⁵ A. Debidour. Op. cit., p. 103.

⁸⁶ А. Олар. Церковь и государство..., стр. 55.

⁸⁷ «Moniteur», № 111, 20.IV 1792.

⁸⁸ L. Deries. La vie religieuse à Thorigny sur Vire sous la révolution et le consulat. Saint-Lo, 1921, p. 14.

⁸⁹ R. Reuss. Op. cit., t. I, p. 11.

⁹⁰ Archives parlementaires, t. 37, p. 427—428.

⁹¹ Ibid., t. 42, p. 402.

⁹² «Moniteur», № 73, 13.III 1792.

лической, апостольской и римской религии», — а так как виновные в богохульстве и грабежах суть клубы, то прихожане требовали «упразднить якобинские клубы с их красными колпаками»⁹³. Прикрываясь флагом религии, неприсягнувшие священники собирали недовольных, нередко предпринимали вылазки, в которых участвовали сотни вооруженных фанатизированных крестьян, как в Эвроне⁹⁴, а то и тысячи, как в Манде⁹⁵. Подобные репетиции с кровавым исходом весной 1792 г. были часты. Они произошли в Перпиньяне⁹⁶, Тюлле⁹⁷, Нанси⁹⁸, Иль-э-Вилен⁹⁹, Верхнем Рейне¹⁰⁰. В предвоенной обстановке волнения на религиозной почве были, разумеется, на руку только врагам Франции.

Клерикалы вели деятельную подготовку к большой войне. В парламентских отчетах встречаются частые жалобы местной администрации на пропаганду неприсягнувших священников, в результате чего прекратилось налоговое поступление¹⁰¹. В Вандее попы открыто призывали крестьян не платить налогов, так как эти средства идут на содержание «преступников» и «узурпаторов»¹⁰². Из-за происков неприсягнувшего духовенства местами исчезла звонкая монета¹⁰³. В эти месяцы за изготовление и распространение фальшивых ассигнатов было арестовано много священников, а аббаты Совад и Жоффруа казнены¹⁰⁴. Священники подстрекали солдат к дезертирству из армии¹⁰⁵, собирали оружие и боеприпасы для будущих действий¹⁰⁶.

Подобных фактов, «не замеченных» клерикальной историографией, много. Современники были встревожены, и в день объявления войны, 20 апреля 1792 г. Робеспьер в Якобинском клубе призывал «сосредоточить все наше внимание на способах предотвращения гражданской войны»¹⁰⁷.

Робеспьер обращался к народным обществам. Жирондистское министерство, как и предшествующее, склонно было «для подавления гнусных заговоров духовенства» принять меры, лишь «предусмотренные законом и конституцией»¹⁰⁸. А законов, карающих происки духовенства, не существовало. Циркуляр министра внутренних дел Роллана от 5 апреля не оставлял сомнения в том, что революционный пыл жирондистов за то небольшое время, что они пребывали у власти, успел остыть. Ими начинает овладевать дух консерватизма. Отныне их главная забота — сдерживать народную инициативу, направить революционную энергию масс в сторону от внутренней социальной и политической борьбы.

С мест поступали требования об общем карательном законе. «Спокойствие установится лишь тогда, — писали из Кольмара, — когда изданием сурового закона Национальное собрание придаст нам силу»¹⁰⁹. Но им не

⁹³ Archives parlementaires», t. 41, p. 430.

⁹⁴ Ibid., t. 47, p. 522—523.

⁹⁵ Ibid., t. 41, p. 505—507.

⁹⁶ Ibid., t. 42, p. 259.

⁹⁷ Ibid., p. 259—263.

⁹⁸ Ibid., p. 300.

⁹⁹ Ibid., p. 371—372.

¹⁰⁰ «Moniteur», № 102, 11.IV 1792.

¹⁰¹ Archives parlementaires, t. 38, p. 172; t. 41, p. 501—507.

¹⁰² «Moniteur», № 108, 17.IV 1792.

¹⁰³ Archives parlementaires, t. 38, p. 179.

¹⁰⁴ J. Bouchary. Les Faux-Monnayeurs sous la révolution française. Paris, 1946, p. 29.

¹⁰⁵ Archives parlementaires, t. 37, p. 421.

¹⁰⁶ «Moniteur», № 124, 3.V 1792.

¹⁰⁷ F. A. Aulard. La société des jacobins, t. III, p. 519.

¹⁰⁸ «Révolutions de Paris», № 144, 14.IV 1792.

¹⁰⁹ Archives parlementaires, t. 42, p. 402.

вняли. В другом циркуляре от 24 апреля Ролан инструктировал департаменты: «Внутренний мир должен поддерживаться просвещением, убеждением и лишь в крайнем случае обуздывающей силой национальных гвардейцев»¹¹⁰. А министр юстиции Дюрантон в письме к судебным органам 30 апреля осуждал под предлогом «свободы религиозных убеждений» всякое преследование неприсягнувших¹¹¹.

Бездеятельность правительства и Ассамблеи была тем более преступна, что военные действия уже начались, а неподготовленная французская армия, руководимая генералами-аристократами, соучастниками заговора, нити которого тянулись из Тюильри в Кобленц, Берлин и Вену, стала терпеть поражения. И теперь, когда над Францией нависла угроза расчленения и реставрации, а церковники развернули кипучую деятельность по подрыву тыла, Законодательное собрание потратило пять недель, чтобы обсудить и принять закон 27 мая 1792 г. Но и на этот репрессивный закон, предусматривавший изгнание неприсягнувших священников из пределов Франции по требованию 20 активных (!) граждан¹¹², было наложено королевское вето. Клерикалы получили еще одно отчетливо выраженное благословение монарха на борьбу.

* * *

Антипатриотизм неприсягнувшего духовенства неопровержимо доказывается многочисленными документами эпохи. В самые опасные для Франции дни, в дни отступления армии, когда народ напрягал всю свою энергию и духовные силы для отпора врагу, мятежная церковь наносила ему удары в спину.

Клерикальные авторы сетуют на распространение в народе убеждения в том, что враг имеет внутри страны соучастников в лице аристократов, военачальников, а особенно — священников. Они ссылаются на петицию тулузских добровольцев, потребовавших ареста и наказания фанатиков до отправки добровольцев на фронт¹¹³. Эта мысль, как известно, руководила и парижскими патриотами в сентябрьские дни. Неприсягнувшая церковь давала слишком много оснований для подобного отношения к ней.

Укажем лишь некоторые направления враждебной и предательской деятельности церковников во время войны.

В дистриктах Верхнего Рейна часть молодых крестьян отказывалась вступать в армию, бежала в лес «под влиянием или по совету неприсягнувшего духовенства»¹¹⁴. В пограничных районах священники вели тайную переписку с эмигрантами, расположившимися на противоположной стороне границы, например в Трире¹¹⁵, с кардиналом Роганом и австрийцами¹¹⁶. В военном лагере Рансенн был схвачен шпион, оказавшийся кюре. Под видом торговца водкой и хлебом он проникал в расположение воинских частей. При нем были найдены планы лагерей Живе и Шарлемон¹¹⁷. Кюре, викарии, каноники и монахи состояли в рядах австрийской армии¹¹⁸. Священник в качестве проводника привел 200 австрийских

¹¹⁰ «Moniteur», № 121, 30.IV 1792.

¹¹¹ Archives parlementaires, t. 45, p. 546.

¹¹² Ibid., t. 44, p. 168—169.

¹¹³ Ibid., t. 43, p. 174.

¹¹⁴ R. Reuss. Op. cit., t. II, p. 100.

¹¹⁵ Archives parlementaires, t. 45, p. 571.

¹¹⁶ R. Reuss. Op. cit., t. II, p. 85.

¹¹⁷ «Moniteur», № 156, 4.VI 1792.

¹¹⁸ L. Detrez. Op. cit., t. I, p. 106.

уланов в Гамбурден дорогой, которой австрийцы сами не сумели бы воспользоваться¹¹⁹.

И все же не в этих актах прямого предательства, число которых можно бесконечно умножить, состоит значение того, что предпринимало духовенство для поражения Франции. Главное — это подрывная работа в тылу, представлявшая угрозу для революционного режима, целостности и независимости Франции. В июне 1792 г. Шомет записывал в дневнике: «Неприсяжные священники и другие фанатики усиленно разжигали в стране гражданскую войну и внушали народу преступные догматы... Пожар, убийства, яд стали главным орудием их начатых против наций действий»¹²⁰.

В разгар войны, когда только единство и мобилизация народных усилий могли спасти Францию, воинствующая и антипатриотическая церковь инспирировала волнения, мятежи, столкновения фанатизированных толп святош и вооруженных крестьян с национальной гвардией или армией.

В ряду этих факторов, которыми изобилует периодическая печать того времени, центральное место занимала попытка мятежа в так называемом жалезском лагере. В июле, накануне объявления «отечества в опасности», вспыхнул мятеж в департаменте Ардеш. Его целью было нанести удар по тылам французской армии. Организатором и главным проповедником был приор Клод Аллье, в феврале специально ездивший в Кобленц за инструкциями¹²¹. В Ардеш стекались неприсягнувшие со всех соседних департаментов, чтобы участвовать в подготовке восстания. Назначенный принцами военным руководителем Дюссайан не торопил с началом, но Клод Аллье убедил его действовать и гарантировал присоединение по первому сигналу 15—25 тыс. вооруженных крестьян¹²². Были заготовлены нагрудные знаки с изображением короны и «сердца Иисуса», а лозунгом было: «Мы боремся за нашу религию и нашего доброго короля»¹²³.

Однако вся контрреволюционная затея провалилась. Мятежники ударили в набат в ночь с 8 на 9 июля и собрали не то 1200¹²⁴, не то 1600 человек¹²⁵. Французский народ был тогда охвачен патриотическим подъемом, защищая свое революционное отечество.

Не выдержав первого натиска революционных войск, банда мятежников рассеялась, а Дюссайан, юре Прадон, аббат Буасьен и другие зачинщики были судимы и казнены¹²⁶. Одновременно революционные массы, возмущенные подстрекательской ролью церковников, сами расправлялись с предателями родины. По данным, приведенным в Якобинском клубе, 53 священника, переодетых в форму национальных гвардейцев, были казнены¹²⁷.

* * *

Новая обстановка, созданная войной, не могла не усилить народные антиклерикальные выступления, поскольку усмирение клерикалов стало вопросом жизни или смерти революции. Народная борьба постепенно приобрела новые формы, соответствующие условиям военного времени.

¹¹⁹ «Moniteur», № 274, 30.IX 1792.

¹²⁰ «Голос минувшего», 1917, № 11—12, стр. 84.

¹²¹ Ch. Jolivet. Op. cit., p. 355.

¹²² Ibid., p. 361.

¹²³ F. A. Aulard. La société des jacobins, t. IV, p. 133.

¹²⁴ «Histoire du clergé...», p. 313—314.

¹²⁵ Ch. Jolivet. Op. cit., p. 365.

¹²⁶ Ibid., p. 368.

¹²⁷ F. A. Aulard. La société des jacobins, t. IV, p. 133.

Прежде всего с самого начала войны многие департаменты в качестве первоочередной меры обороны интернировали неприсягнувших. 30 апреля департамент Нор приказал им явиться в Камбре под надзор властей¹²⁸. 4 мая власти Нижней Луары интернировали смещенных с должности попов, поместив их в семинарии Сен-Клеман¹²⁹. 24 мая были удалены из приходов все неприсягнувшие департамента Нижние Пиренеи¹³⁰. 7 мая были интернированы в Эксе неприсягнувшие департамента Ланд¹³¹. 8 мая администрация Вандеи предложила всем неприсягнувшим, не состоящим в должности, покинуть пределы департамента¹³². 20 июня 600 священников Майенны были интернированы в монастыре г. Лаваль¹³³. 28 июля были насильно удалены на 20 лье от границы неприсягнувшие священники Верхнего Рейна¹³⁴. А власти дистрикта Тюркуан департамента Нор препроводили всех монахинь до границы и предложили им больше не появляться на территории Франции¹³⁵.

Повсеместно участились нападения патриотов на мятежных попов и монастыри¹³⁶ — неприсягнувшие давали слишком много оснований для подозрений их в антипатриотизме. Так, директория департамента Жиронды писала 19 мая: в народе говорят, что «малейшие успехи наших врагов на фронтах вызывают у неприсягнувших плохо скрываемую радость». Поэтому народ, особенно добровольцы, устроили самовольные обыски в домах клерикалов и арестовали шестеро из них¹³⁷. То же происходило в Дижоне. Когда стало известно о больших потерях французской армии в сражении при Монсе и о том, что священники-эмигранты сражались в рядах неприятеля, патриоты в ночь с 18 на 19 июня самочинно арестовали всех неприсягнувших и поместили их под охраной в здании семинарии¹³⁸. Местная национальная гвардия отказалась выступить против народа, так как сама была враждебно настроена в отношении клерикалов¹³⁹.

Королевское вето на декрет 27 мая вызвало новую волну протестов. Из Лиона прибыло письмо, подписанное 6620 жителями, возмущенными тем, что, препятствуя высылке неприсягнувших, Людовик XVI поддерживает заговорщиков, конспирирующих против Франции за ее пределами¹⁴⁰. Впрочем, в большинстве департаментов, под нажимом народных обществ, как, например, в Франш-Конте, власти действовали так, словно королевского вето и не существовало¹⁴¹. Клубы и народные общества во всей Франции настоятельно требовали, чтобы оба отвергнутых королем декрета (о неприсягнувших и об устройстве под Парижем лагеря федератов) осуществлялись вопреки воле монарха¹⁴². Следует отметить, что центральный Якобинский клуб находился тогда под влиянием провинциальных

¹²⁸ J. Peter, Ch. Paulet. Histoire religieuse du departement du Nord pendant la révolution, t. I. Lille, 1930, p. 234.

¹²⁹ Archives parlementaires, t. 46, p. 281.

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ Ibid.

¹³² Ibid.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ R. Reuss. Op. cit., t. I, p. 375--376.

¹³⁵ «Moniteur», N° 235, 22.VIII 1792.

¹³⁶ Archives parlementaires, t. 43, p. 163; J. Charrier. Op. cit., t. I, p. 178--179.

¹³⁷ Archives parlementaires, t. 44, p. 111.

¹³⁸ «Révolutions de Paris», N° 158, 14--21.VII 1792.

¹³⁹ Archives parlementaires, t. 45, p. 497.

¹⁴⁰ Ibid., p. 630.

¹⁴¹ F. A. Aulard. La société des jacobins, t. IV, p. 61.

¹⁴² Bourdin. Les sociétés populaires à Paris pendant la révolution Paris, 1937, p. 409.

клубов, более демократических по своему составу ¹⁴³. В мае здесь произносились воинственные антиклерикальные речи, несомненно, навеянные сообщениями о народном правосудии в провинции. Луве предлагал отправить неприсягнувших в Алжир, чтобы там обменять их на пленных французов ¹⁴⁴, а Лежандр рекомендовал потопить их в море ¹⁴⁵. 3 июня якобинский клуб поставил вопрос о необходимости передать церковные колокола на нужды обороны ¹⁴⁶, после того как на местах это уже осуществлялось с первых дней войны ¹⁴⁷.

Активизация народных обществ была предметом вторичного обсуждения в Законодательном собрании. Указав, что по вине клубов происходят частые кровавые инциденты, министр юстиции потребовал 10 июля запретить им действовать «в качестве политической корпорации» ¹⁴⁸.

Беспокойство властей имело под собой почву. Поражения на фронтах, измена двора, генералов и священников показали народу недостаточность прежних средств защиты революции; на первый план стали выдвигаться те прямые народные действия, которые Маркс, для 1793 г., когда они стали государственной системой, определил как плебейскую манеру расправы с абсолютизмом и феодализмом. И то, что эти методы стали применяться в 1792 г., свидетельствует не только о возрастающей роли масс в буржуазной революции, но и о росте влияния плебейских масс, в частности рабочих.

События начала войны убеждают в том, что народ не делал разницы между изменниками-генералами и изменниками-попами. И тех, и других он справедливо считал непосредственными виновниками неудач на фронтах, а последних — нарушителями порядка. Внутри страны, главными вдохновителями контрреволюции. Правительство же явно усыпляло бдительность демократии, когда заявляло, что «король желает», чтобы священники, нарушители общественного спокойствия, были «строго наказуемы судом» ¹⁴⁹. Но суды бездействовали, а жирондисты, определенно искавшие летом 1792 г. сближения с правыми группировками, не намеревались «строго наказывать» изменников. Эту революционно-патриотическую миссию выполнили сами массы, для которых защита родины и революции сделалась их кровным делом.

Впервые акт революционного самосуда был осуществлен в Лилле. 29 апреля французы в сражении с австрийцами потерпели поражение и отступили. Возмущенные солдаты убили подозреваемого в предательстве генерала Диллона, а пытавшийся бежать за границу аббат Саладэн был народом опознан и казнен ¹⁵⁰. Такая же участь постигла в июле 1792 г. аббата Шаброля в Лиможе ¹⁵¹, двух священников в Бордо ¹⁵², шестерых аристократов и священников в Марселе ¹⁵³. Революционное возмездие покарало контрреволюционеров в рясах в Клерাকে, в Орне, в Труа ¹⁵⁴,

¹⁴³ См. L. De Cardenal. La province pendant la révolution. Histoire des clubs jacobins (1789—1795). Paris, 1929.

¹⁴⁴ F. A. Aulard. La société des jacobins, t. III, p. 598.

¹⁴⁵ Ibid., p. 579.

¹⁴⁶ Ibid., p. 650.

¹⁴⁷ Archives parlementaires, t. 42, p. 442.

¹⁴⁸ Archives parlementaires, t. 46, p. 304.

¹⁴⁹ «Archives parlementaires», t. 45, p. 540.

¹⁵⁰ J. Peter, Ch. Paulet. Op. cit., t. I, p. 233.

¹⁵¹ J. Herissay. Op. cit., p. 8.

¹⁵² «Moniteur», № 207, 25.VII 1792.

¹⁵³ «Moniteur», № 215, 2.VIII 1792.

¹⁵⁴ P. de la Gorce. Op. cit., t. II, p. 222—239.

в Ардеше в Манок (Нижние Альпы)¹⁵⁵ в департаментах Гар и Ло, в Труа, Мо, Аленсоне¹⁵⁶. Суровое подавление антипатриотической деятельности духовенства становится одной из задач, которую приходилось решать народным массам в борьбе за победу революции; в противном случае не удалось бы сломить сопротивление свергнутых классов. Этим революционным порывом были воодушевлены и демонстранты 20 июня, бросавшие в лицо королю: «К чорту вето! Долой попов!»¹⁵⁷, и санкюлоты Парижа, свергнувшие 10 августа монарха-изменника, единомышленника эмигрантов и герцога Брауншвейгского, покровителя мятежного духовенства. Демократическим и национальным подъемом были охвачены и патриоты западных департаментов, которые обходили деревни, чтобы изгнать неприсягнувших и закрыть церкви¹⁵⁸, и Коммуна Парижа.

Революционный орган парижской демократии, Коммуна, с самого начала обнаружила свою враждебность взбунтовавшимся клерикалам, так как клерикализм был, по словам Бреша, «одним из важнейших факторов сопротивления Людовика XVI идеям революции»¹⁵⁹. Но сама Коммуна находилась под постоянным воздействием секций, ставших после отмены деления граждан на «активных» и «пассивных» подлинно народными органами. Уже 11 августа по требованию секции Люксембург Коммуна приступила к аресту неприсягнувших священников, наравне с другими аристократами подозреваемыми в изменнических происках. Когда арестованных вели по улицам Парижа, «глупое простонародье,— писал с ненавистью Барруэль,— аплодировало, точно это была закованная в цепи армия Брауншвейгского»¹⁶⁰. Тюрьмы Карм и Сен-Фермен стали заполняться церковниками.

В своем антиклерикализме Коммуна запретила ношение церковного облачения вне храма¹⁶¹ и уличные религиозные процессии¹⁶², отменила плату за требы духовенства и жалование гражданским служащим церкви¹⁶³. Она изымала церковную утварь на нужды обороны, ликвидировала последние монашеские общины¹⁶⁴, закрыла роялистско-клерикальную прессу¹⁶⁵, проводила домашние обыски, чтобы очистить Париж от тысяч контрреволюционных священников, искавших убежища от народной ярости в большом городе¹⁶⁶.

Результатом прямого народного давления¹⁶⁷ было принятие 26 августа Законодательным собранием декрета о высылке всех неприсягнувших за пределы Франции¹⁶⁸.

Положение на фронтах ухудшилось, войска интервентов вступили на территорию Франции. В оккупированных районах началась полная политическая, социальная и религиозная реставрация¹⁶⁹. Вернулись к своим

¹⁵⁵ J. Herissay. Op. cit., p. 8.

¹⁵⁶ P. Caron. Les massacres de Septembre. Paris, 1935, p. 365—388.

¹⁵⁷ A. Dansette. Op. cit., p. 100.

¹⁵⁸ «Annales historiques de la révolution française», juillet — août 1925, p. 361.

¹⁵⁹ F. Braesch. La commune du dix Août 1792. Paris, 1911, p. 868.

¹⁶⁰ «Histoire de clergé...», p. 349.

¹⁶¹ M. Tournеаux. Procès-verbaux de la commune de Paris. Paris, 1894, p. 16.

¹⁶² Ibid., p. 31—32.

¹⁶³ «Moniteur», № 274, 30.IX 1792.

¹⁶⁴ J. Gramte. Une paroisse de Paris sous la terreur. 1909. p. 2.

¹⁶⁵ M. Tournеаux. Op. cit., p. 14—15.

¹⁶⁶ По данным «Московских ведомостей» (№ 44, 2.VI 1792) их было в Париже до 60 тысяч.

¹⁶⁷ «Annales historiques de la révolution française», № 29, nov.-déc. 1952, p. 489.

¹⁶⁸ «Archives parlementaires», t. 49, 8—9.

¹⁶⁹ L. Detroz. Op. cit., t. I, p. 120.

прежним должностям эмигрировавшие священники. Контрреволюционное духовенство окончательно предстало перед народом как активный пособник иностранного нашествия. В начале сентября в Париже одновременно стало известно об осаде Вердена и о мятежах на Западе, поползли слухи о заговоре, составленном аристократами с целью истребить санкюлотов и выдать столицу герцогу Брауншвейгскому. Реальная угроза гибели революции вызвала страшный гнев народа. И тогда в грозном и неудержимом порыве он обрушил на врагов свой суровый, беспощадный, но необходимый и справедливый революционный самосуд, известный под названием «сентябрьские дни». Это был акт прямого действия народных низов. Значение этого события с классической точностью определено Ф. Энгельсом: «Буржуа были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы... начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победы над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию»¹⁷⁰.

Сурово и справедливо покарал контрреволюционеров-аристократов, в том числе более чем 200 неприсягнувших священников, парижские санкюлоты устрасили интервентов и внутренних врагов. Без этого не было бы и Вальми.

Вся реакционная историография пытается оклеветать сентябрьские дни, лишить их народного характера. Она тщится доказать, что это «преднамеренная, заранее обдуманная резня»¹⁷¹, что исполнителями этого «чудовищного плана» истребления «невинных» были не массы, «не те 30 тысяч, которые собирались в поход на врага» (Бриссо)¹⁷², а подкупленная «чернь». Реакционные историки испытывают страх перед активностью низов и потому совершенно игнорируют общеизвестные факты — решения парижских секций Люксембург, Монтрей, Арси, Гранд-Бателье о наказании предателей. В постановлении секции Пуассоньер говорилось: принимая во внимание опасность, нависшую над родиной, а также «дьявольские происки священников» предать «смертной казни священников и всех подозрительных, содержащихся в тюрьмах Парижа»¹⁷³. В те дни появился гнусный роялистский памфлет на «кровавый французский народ», растоптавший имя короля и религию и осуществляющий «диктатуру ста рук», вместо «двух, которыми владеет монарх»¹⁷⁴. Этот памфлет служит косвенным подтверждением роли масс в событиях.

Сентябрьские дни как проявление «народного суверенитета» (Карон) созрели на определенной почве — на почве измены и поражения на фронтах, мятежей фанатизированных толп в Вандее, преступной медлительности трибуналов. Эту настоятельную потребность своим активным вмешательством повернуть ход событий в пользу революции испытывали народные массы всей Франции. В Камбрэ при получении известий о падении Лонгви волонтеры, отправлявшиеся на фронт, настоятельно требовали покарать всех неприсягнувших¹⁷⁵. То же было в Киллебефе, где народ снял с корабля 58 неприсягнувших, направлявшихся в изгнание. С трудом

¹⁷⁰ «Историк-марксист», 1933, № 2/30, стр. 42.

¹⁷¹ A. Granier de Cassagnac. Histoire de Girondins et des massacres de Septembre. Paris, 1860, p. 25—26.

¹⁷² A. Granier de Cassagnac. Op. cit., p. 28.

¹⁷³ E. de Pressensé. L'Eglise et la Révolution Française. Paris 1890, p. 284—285.

¹⁷⁴ Chaignon, J. Marie. Les nudites, ou les crimes du peuple. Paris, 1792, p. 5.

¹⁷⁵ J. Lefebvre. Op. cit., p. 252.

администрации удалось их спасти от расправы¹⁷⁶. В Лионе были убиты 9 сентября три священника¹⁷⁷. 3 сентября в Реймсе под крики толпы: «Долой аристократов! Смерть предателям!» — были казнены четыре аббата¹⁷⁸.

Имеющиеся источники дают представление, правда весьма неполное, о социальном составе активных участников этого революционного правосудия. Гранье де Кассаньяк приводит имена 173 лиц. Среди тех, чьи профессии указаны, мы находим слесарей, портных, сапожников, столяров, золотильщиков, рабочих-поденщиков, ювелиров, печатников. Здесь представлен весь трудовой Париж — токарь и оружейник, тележник и булочник, горшечник и докер, зеленщик и возчик, гравер и чеканщик, чулочник и корзинщик, шляпных дел мастер и птицелов (!), повар и ломовой извозчик, часовщик и уксусовар¹⁷⁹. Это они, жители рабочих предместий, выполнили настоятельную задачу буржуазной революции — подавление сопротивления свергнутого класса феодалов. В этом смысле французская буржуазная революция принадлежит народу, ее творцу и защитнику. Именно поэтому контрреволюционная буржуазия, захватившая власть после 9 термидора, обрушила свою месть на народные массы, в частности на сентябрьских «убийц». Любопытный процесс над «сентябристами» состоялся в 1795 г. в Реймсе. На скамье подсудимых сидели: разносчик газет, два сапожника, старьевщик, токарь, три бочара, два ткача, мясник, прядильщик. А судили их пять торговцев, виноградарь, домовладелец, бакалейщик, портной и секретарь суда¹⁸⁰.

Сентябрьские дни — дни наивысшего подъема революционной энергии масс в период буржуазной республики. Провалились надежды жирондистов на то, что удастся удержать трудящихся вне политики и тем приостановить движение революции по восходящей линии.

События 1792 г., связанные с взаимоотношениями католической церкви и государства, показывают, насколько остро было развито революционное чутье, бдительность и самоотверженность народных масс в борьбе с одним из злейших врагов революции — мятежным духовенством.

¹⁷⁶ «La Révolution française», t. 85. Paris, 1932, p. 71—77.

¹⁷⁷ L'abbé Durieux. Tableau historique du diocèse de Lyon pendant la persécution religieuse de la grande révolution française. Lyon, 1869, p. 76—81.

¹⁷⁸ A. Barbat de Bignicourt. Les massacres à Reimsen 1792. Reims, 1872, p. 30.

¹⁷⁹ A. Granier de Cassagnac. Op. cit., p. 502—516.

¹⁸⁰ A. Barbat de Bignicourt. Op. cit., p. 42—44.

Тематически связанные материалы:

Домнич М.Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь

Домнич М.Я. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции

Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой французской революции

Захер Я.М. Дехристианизаторская деятельность Фуше.

Очерк из истории борьбы с религией в эпоху Великой французской буржуазной революции

Маутнер Ф. Атеизм в эпоху Великой французской революции

Олар А. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции

Олар А. Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции

Олар А. Христианство и Великая французская революция 1789-1802

Захер Я.М. Великая французская революция и церковь